
К. М. ПИСЦОВ

**СЕЗОННАЯ СИМВОЛИКА
И КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ
В ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЦЕ XVII в.
(ПО ЗАПИСКАМ ЛЮ ЖОЮЯ)**

В данной статье впервые на русском языке проанализирована одна из глав сочинения Лю Жоюя (1584–?) «Мин гун ши». Рассмотрены такие аспекты жизни китайского императорского двора XVII в., как праздничная символика и обычаи, религиозные традиции, еда. В результате предпринятого сопоставления выявлены общие черты придворной и народной культуры.

***Ключевые слова:** календарные праздники, эпоха Мин, придворная культура, Лю Жоюй, «Мин гун ши», повседневная жизнь.*

В традиционном обществе значительную роль играют календарные обычаи и обряды, в основе которых – трудовая деятельность народа (Календарные... 1989: 9). Подобная наполненность каждого временного периода строго определенными формами труда наряду с циклически повторяющейся сменой сезонов года порождали в сознании людей отдаленных эпох представление о круговом движении времени (Гуревич 2007: 46). «В аграрном обществе время определялось прежде всего природными ритмами. Календарь крестьянина отражал смену времен года и последовательность сельскохозяйственных сезонов» (Там же: 87). Каждый сезон года четко увязывается не только с типичным именно для него родом хозяйственных занятий, но и с присущими ему формами обрядовых действий, бытового поведения и развлечений. При наличии общей «культурной доминанты» в средневековом обществе (Хачатурян 2014: 6–7) такое мировоззрение разделялось представителями различных социальных слоев. Подобное восприятие тем более типично для Китая, где крестьянский труд не только являлся экономической основой существования общества, но и высоко ценился официальной идеологией.

*Историческая психология и социология истории 1/2022 93–110
DOI: 10.30884/ipsi/2022.01.04*

Цель данной статьи – выявить общность определенных аспектов придворной и народной культуры в Китае XVII в. на примере календарных праздников. Основным источником материала послужат мемуары придворного евнуха Лю Жоюя, хорошо знакомого с внутренней жизнью императорского двора.

Лю Жоюй (1584–?) родился в офицерской семье. Согласно существовавшей в Минской империи системе, офицерская служба передавалась по наследству, и представители семьи Лю начиная с XIV в. служили на военных должностях. Эту традицию продолжили отец и старший брат нашего героя. Но сам Лю Жоюй круто изменил направление своей будущей карьеры, в 16-летнем возрасте под влиянием вещаго сна оскопив себя. В 1601 г. юноша был отобран для службы в императорском дворце и определен в Департамент управления церемониалом – одно из важнейших внутридворцовых учреждений, – где прослужил около десяти лет. После фактического захвата власти при дворе евнухом Вэй Чжунсянем Лю Жоюй был вовлечен в ближайшее окружение соратника Вэя – Ли Юнчжэня. Начитанный и искусный в вопросах церемониала Лю выполнял в этот период функции консультанта и секретаря своего патрона. После падения Вэя в 1627 г. Лю отправился в ссылку, но вскоре был возвращен в столицу в связи с обвинением в фальсификации служебной документации и после разбирательства приговорен к смертной казни. Лю Жоюй утверждал, что был осужден несправедливо. Пребывая в заключении в ожидании пересмотра дела, Лю Жоюй написал интереснейшие мемуары под названием «Беспристрастные записи», куда включил воспоминания о политической борьбе, в которую оказался замешан, а также краткие характеристики монархов и биографии придворных, сведения об устройстве дворца, функциях различных учреждений на его территории и некоторых других аспектах придворной жизни. Лю Жоюй рассматривал свою книгу как историческое сочинение, адресованное современникам и потомкам (Лю Жоюй 1982: 22–23). Один из его первых биографов Люй Би тоже утверждал, что в своей книге господин Лю «рассказал последующим поколениям о том, что сам видел» (Там же: 110). Позже авторы официальной «Истории [империи] Мин» утверждали, что Лю написал это сочинение, чтобы оправдаться, и добавляли, что те, кто прочитал книгу, принимали сторону автора (Мин ши 1958: 31491/3299). Исключительное историческое значение записок Лю Жоюя было отмечено еще современниками (Чэнь Тяньхао 2015: 271–272). В автобиографической

главе Лю Жоюй стремится опровергнуть выдвинутые против него обвинения. Современный исследователь Чэнь Тяньхао приходит к выводу, что Лю Жоюй в заточении написал подряд несколько редакций своей книги, которые затем получили распространение (Чэнь Тяньхао 2015: 272). Можно предположить, что сочинение Лю по своим целям было типологически близко «мемуарам», которые во Франции времен *ancien regime*¹ выпускали участники судебных процессов, стремясь привлечь к своему делу сочувственное внимание общественности. Лю Жоюй не просто излагает свою версию событий (даже в чисто процентном отношении биография автора занимает в общем тексте книги очень незначительное место), но включает в сочинение историю придворных интриг и уникальную информацию о внутренней жизни двора, большинству читателей недоступную. Подобное сочетание не только должно было обеспечить интерес читающей публики, но и придавало сочинению определенный оттенок сенсационности и скандальности, отмеченный современниками (Там же: 274). Данные о дальнейшей судьбе Лю Жоюя противоречивы (Писцов 2020: 96).

Как бы то ни было, книга пережила своего автора. По причине исключительной ценности содержащихся подробностей о повседневной жизни императорского двора довольно быстро появилась сильно сокращенная редакция книги, известная под названием «История минских дворцов» и содержащая всего пять глав (из 24 изначальных). В этой версии политические перипетии отходят на второй план, а на первый выступают бытовые подробности.

Материал главы «Обычаи в отношении питья и еды» из «Истории минских дворцов» и будет проанализирован ниже. В этом тексте последовательно, месяц за месяцем, представлен годовой ритм жизни императорского двора. Подобные описания, увязывающие воедино жизнь природы и социума, прежде всего двора правителя, в Китае появляются довольно рано – это глава «Полунные приказы» из «Ли цзи» (Хуайнаньцзы 2016: 389), начальные главы первых 12 книг «Люйши чуньцю» (Люйши... 2001), глава «Сезонные распоряжения» книги «Хуайнаньцзы» (Там же: 73–90). Лю Жоюй не мог не знать содержания хотя бы некоторых из этих памятников и, может быть, осознанно заимствовал из них схему изложения материала. Тем не менее различие между минским сочинением и древними прототипами очевидно. В работе Лю Жоюя повествуется

¹ Старый режим (*фр.*) – политический режим.

только о внутренней территории дворца, соответственно, сакральный характер официальной деятельности государя, направляющей движение времени, никак не отражен. Лю Жоюй полагал, что о публичной, в том числе ритуальной, деятельности императора его читателям и так все хорошо известно (Лю Жоюй 1982: 23). Не только не высказана мысль о мистическом влиянии обрядовых действий на ритмы природы, но и сами наблюдения над природой лишены какой-либо мистической составляющей, характерной для древней натурфилософии. В центре повествования – скрытые от глаз посторонних бытовые подробности повседневной жизни императорского дворца, будни и праздники его обитателей, причем праздникам, в силу их важности, в повествовании отведено большее место.

Современные исследователи, отмечая важную консолидирующую роль праздников в традиционном китайском обществе, в то же время констатируют попытки официальных властей формализовать календарные праздники, в частности выхолостить их оргиастическую составляющую (Календарные... 1989: 6–7, 23). Однако, как мы увидим, это не препятствовало бытованию традиционных народных праздничных обычаев и обрядов в императорском дворце – в этом отличие «официальной» культуры и скрытой от посторонних внутренней жизни императорского двора. Именно поэтому записки Лю Жоюя представляют, на наш взгляд, особый интерес для сравнительных наблюдений.

Пожалуй, наиболее зримым проявлением сезонной символики во дворце был декор одежды дворцовых женщин и евнухов, менявшийся от месяца к месяцу. «С 24-го числа месяца Зимнего Жертвоприношения предыдущего года, после жертвоприношения богу кухни и очага дворцовые женщины и евнухи надевают нашивки с тыквой горлянкой и одеяния с драконами... [в 15-й день 1-го месяца] внутренние слуги и дворцовые женщины – все надевают одеяния с драконами, на которых нашивки с фонарями... В 5-м месяце, начиная с 1-го числа и заканчивая 13-м, дворцовые женщины и евнухи носят украшенные четырехкоготными драконами одежды, на которых нашивки с изображением пяти ядоносов и полынных тигров... Седьмого числа [7-го месяца] “Праздник Седьмого Вечера”, дворцовые женщины и внутренние слуги надевают нашивки с Сорочьим мостом... [В 9-м месяце] дворцовые женщины и внутренние слуги с четвертого числа передеваются в украшенные четырехкоготными драконами одежды из тюля, на которых нашивки с хризантемами [праздника] Двойного Ян... [В] праздник Зимнего

Солнцестояния дворцовые женщины и евнухи – все надевают украшенные четырехкоготными драконами одежды, на которых нашивки с рождением солнца» (Лю Жоюй 1982: 83, 84, 86, 87, 88, 90).

Речь идет о форменной одежде дворцовых женщин и евнухов, которая за пределами императорского двора не использовалась (а изображения четырехкоготного дракона могли носить лишь члены императорского рода либо наиболее высокопоставленные придворные и сановники), но семантика изображений на нашивках полностью соответствует народным традициям. Тыква-горлянка, фонари, Сорочий мост, хризантемы – в народной культуре устойчивые символы сезонных праздников Нового года, Праздника Фонарей, кануна Седьмой седмицы и Праздника Двойного Ян или Двойной Девятки (Календарные... 1989: 73, 99, 101, 103), при этом тыква-горлянка обладала универсальной символикой, подходящей не только к Новому Году, но и к летним праздникам (Там же: 56). Композиция с пятью ядоносцами и попирающим их тигром – непременный атрибут пятого месяца, играющий роль оберега и активно используемый на народных картинах, предметах одежды и амулетах для защиты от ядовитых насекомых (Календарные... 1989: 54). Пять ядоносов – ядовитые представители животного мира (их конкретный состав варьировался, но обычно включал скорпиона, многоножку, змею, жабу и ящерицу), которые в пятом месяце считались особенно опасными для человека. Сплетенные из полыни (или изготовленные из шелка, но украшенные полынными листьями) фигурки тигров вывешивались в пятом месяце на дверях в качестве оберега (Алексеев 1966: 218; Календарные... 1989: 55). Поэтому за изображениями тигров, связанными с пятым месяцем, закрепилось определение «полынные», даже если они были напечатаны на бумаге или вышиты на одежде. Обычно такой тигр изображался в окружении пяти ядоносов. Сведения Лю Жоюя об использовании этого мотива на одежде дворцовых женщин подтверждаются археологическими данными. Во время раскопок гробницы Дин-лин минского императора Шэнь-цзуна (1563–1620) археологи обнаружили значительное количество ценнейших памятников материальной культуры, в частности предметов костюма. В числе прочих одеяний из гробницы было извлечено платье, принадлежавшее императрице Сяо-цзин, на груди и спине которого – нашивки с изображением тигров и пяти ядоносов (Дин-лин 1990, т. 1: 136–137, рис. 233, т. 2: илл. 126, 127). Определенной спецификой, пожалуй, отличается лишь названный Лю Жоюем узор с «рождением солн-

ца». Фактически это изображение барана, выдыхающего дымку, в которой иногда возносится к небесам красный шарик (Сюй Вэньюэ 2018: 146, 148). С одной стороны, в китайском языке пары слов «баран» и «солнце», «рождаться» и «возноситься» являются омонимами, с другой – возносящийся ввысь красный шарик должен символизировать либо Солнце, либо нарождающуюся абстрактную светлую Силу Ян. Подлинные предметы одежды с такими изображениями тоже обнаружены в гробнице Дин-лин (Дин-лин 1990, т. 1: 144–145, рис. 241, 242). Прямых аналогий подобной композиции в народном искусстве автор данных строк не встречал. Тем не менее привлекает внимание шарообразная фигура центрального барана на чулке императрицы (Там же: рис. 241). Учитывая обилие округлых и шарообразных предметов в обрядах 12-го месяца, отражающих их солярную направленность (в частности, ритуальными блюдами этого праздника являлись красные бобы, шарообразные рисовые клецки и пельмени, выражающие своей формой идею всеобъемлющей полноты и завершенности), даже здесь можно усмотреть некоторую параллель между народной и придворной культурой. Все же прочие изображения на нашивках придворных дам и евнухов находят явные аналогии в народной культуре.

Связь становится еще более очевидной, если обратиться к аксессуарам, дополнявшим костюм обитателей двора. «Начиная с первого дня Нового Года все надевают на голову *нао э*, которые вырезаны из черной глянцевиной бумаги и раскрашены яркими красками, а еще – сделанные из травы в виде насекомых и бабочек. Все втыкают их в прическу, чтобы соответствовать праздничной обстановке... В праздник Цин мин [в 3-м месяце] – втыкают ивовую ветвь в прическу сбоку... [В 5-м месяце] вешают на пояс листья полыни, ...в период жары, следующей за летним солнцестоянием, втыкают в прическу лист клещевины обыкновенной... В день Начала Осени [в 6-м месяце] втыкают в прическу лист дикого грецкого ореха» (Лю Жоюй 1982: 84, 85, 87). Широко распространенный обычай дополнять костюм веточками или листьями пахучих растений был обусловлен представлением об их способности оберегать от недугов и нечисти. И сам подбор растений, и соотношение их использования с определенным сезоном не оставляет сомнений, что обитатели двора проявляли в этом отношении полное единодушие с прочими жителями Поднебесной (Календарные... 1989: 46, 54–55, 72). Традиция носить на Новый год в прическе вырезанные из бумаги украшения в виде мотыльков и тому

подобных фигур существовала в Пекине и близлежащих районах (Вань Лина 2017: 165; Чэнь Баолян 2004: 539, 556), но трудно сказать, проникла она во дворец или, наоборот, была оттуда заимствована.

Ознакомившись с нарядами обитателей дворца, перейдем к праздничному убранству их жилищ.

«[В 1-м месяце] по сторонам от дверей помещают персиковые талисманы, уголь полководца, наклеивают изображения духов дверей. Внутри жилища вешают картинки с изображениями бога Счастья, Судьи бесов, Чжун Куя и другие. Над кроватью подвешивают [сделанные] из золота [или] серебра Восемь Сокровищ, Колесо Закона Западных варваров или связывают желтые монеты наподобие дракона... С 17-го по 19-й день в покоях Высочайшего устанавливают всякого рода фонари... [В 5-м месяце] с двух сторон от дверей выставляют в вазах аир и полынь. На воротах вывешивают подвесные экраны, на которых нарисован Небесный наставник или история о том, как бессмертный отрок либо бессмертная дева укрощают ядоносов. [Эти изображения] подобны [изображениям] духов дверей в праздник Нового года... [В 9-м месяце] в покоях Высочайшего выставляют хризантемы... [В 11-м месяце] в жилищах в большинстве случаев вешают картины-наклейки [изображающие] Наследника Престола с курдючным бараном. Департамент управления церемониалом печатает картинку со стихами «Девять девяток зимних холодов». Каждой девятке соответствует стихотворение в четыре строки, все это, начиная от “Зима [начинается] только с первых холодов первой девятки” и до “Солнце, луна и созвездия не пребывают в бездействии”, – разновидности метких словечек и народных пословиц, это не стихи, написанные сановниками по приказу императора, и не императорские сочинения. Не знаю, почему так повелось, на протяжении многих лет следовали [этому] без изменений» (Лю Жоюй 1982: 83, 85, 86, 88, 90).

Специального рассмотрения заслуживают упомянутые Лю Жоюем картинки, по содержанию и функциональному назначению аналогичные печатным народным картинам, которые в те же периоды года украшали дома крестьян и горожан [Джарьлгасинова, Крюков 1985: 29–32]. В числе персонажей картинок, используемых во дворце, мемуарист называет духов дверей, бога Счастья (вероятно, это один из представителей триады звездных духов – Фусин), Чжун Куя, Судью бесов (по-видимому, это Пань-гуань), Небесного наставника (то есть Небесного Наставника Чжана) – по-

пулярных героев народных картин-оберегов, призванных защитить дом от вторжения нечисти, ядовитых тварей и прочих напастей (Титаренко 2006: 528, 543, 648, 717, 727; Календарные... 1989: 29). Народная картина «Девять девяток зимних холодов» продавалась на улицах китайских городов еще в начале XX в. и сохранилась в некоторых музейных коллекциях. Исследователи полагают, что на описанном Лю Жоюем отпечатанном во дворце варианте была представлена цветущая слива – всего 81 лепесток. Повесив картинку на стену, владелец каждый день закрашивал по одному лепестку, ожидая окончания периода холодов (Алексеев 1966: 234). На народных же картинках начала XX в. представлены дети, но по-прежнему присутствует 81 белая точка для закрашивания (Там же: 27–28, с. 29, илл. 11). Несколько недоуменное замечание Лю Жоюя относительно простонародного характера надписей на картине свидетельствует, на наш взгляд, что в данном случае имело место непосредственное влияние народной культуры на придворный быт, отчасти даже задевавшее эстетические чувства некоторых обитателей дворца. Лишь сюжет картинка «Наследник престола с курдючным бараном», кажется, не представлен на народных картинах. Этот персонаж упомянут в ксилографическом издании одной из пьес минского времени, там же описаны его костюм и атрибуты: лисья шапка, халат до колен и безрукавка, пояс, сплетенный из корневищ лотоса, ветка цветущей сливы и клетка с сорокой (Сюй Вэньюэ 2018: 149–150). Именно в таком виде «наследник престола» в сопровождении баранов и овец часто появляется на произведениях живописи (Там же: 150, 153). Этот мотив, довольно распространенный также в прикладном искусстве эпохи Мин, носил и другое название – «Курдючный баран ведет сына», в некоторых редакциях работы Лю Жоюя картина названа именно так (Лю Жоюй 2018: 183, 185). Как и в случае с «рождением солнца», очевидна семантическая связь изображения барана (*ян*) с днем зимнего солнцестояния – временем, когда начинает медленно возрастать энергия *Ян*, и эта символика дополнительно закрепляется образом мальчика. Очевидно, что традиция украшать жилище картинками, тематически связанными с праздником, являлась общей как для верхов, так и для широких народных масс Китая эпохи Мин. Это в равной степени относится к персиковым талисманам – оберегам в виде двух вертикальных дощечек с изображениями или надписями, которые перед Новым годом вывешивали с двух сторон от входа в дом (Бай Вэйго 2016: 6–9). Аналогичную функцию оберега вы-

полняли аир, полынь и «уголь полководца» – брусочек древесного угля, перевязанный полосой красной или золотистой бумаги, использование которых для защиты дома от бед носило в Китае практически повсеместный характер (Джарылгасинова, Крюков 1985: 27; Календарные... 1989: 54–55, 101). В широких слоях общества едва ли могла бытовать традиция развешивания над кроватью украшений из драгоценных металлов, хотя бы по причине их высокой стоимости. Однако в Пекине родители «дарили детям на счастье связки монет на красном шнурке, символизовавшие дракона, такие связки вешали на ночь в ногах детской постели» (Джарылгасинова, Крюков 1985: 35), а декоративные изображения «счастливых денег» из красной или желтой бумаги с наклеенными бумажными же имитациями серебряных денег прикрепляли ко всевозможным предметам в доме – от домашнего очага до уличной урны (Там же: 27). Ярко выраженная буддийская семантика двух из трех упомянутых Лю Жоуем украшений – Восьми сокровищ и Колеса Закона Западных варваров – является, по-видимому, следствием популярности буддизма при китайском дворе в рассматриваемый период (Маргенов 1974: 321).

Рассмотрев костюмы и декорации, перейдем к обзору праздничных действий, разворачивающихся в течение года на территории Запретного города.

«Первого числа первого месяца, начиная с пятой стражи, возжигают благовония и запускают петарды... Пьют вино на перце и кипарисе, едят водяные закуски – это “плоская еда”. Некоторые скрытно закатывают внутрь одну-две серебряные монеты, те, кому они достанутся, этим предсказывают [себе] счастье на весь год... Что касается... дня Начала Весны, благородные ли или худородные – все грызут редьку, называется “кусать Весну”... Начиная с 9-го числа – следует на фонарном рынке покупать фонари. Едят *юаньсяо*, их способ изготовления – из клейкого риса тонкая оболочка, внутри – начинка, сделанная из ядер грецкого ореха, сахара, роз, смачивают водой и скатывают [в шарик] размером с грецкий орех... 15-й день называется “Шаньюань”, также называется “Юаньсяо”... Рынок фонарей к 16 числу еще более расцветает, вся роскошь Поднебесной собирается здесь. Заслуженная родня императора и дворцовые женщины поднимаются на башни, гуляют и любят, совершенно не боятся людей... Праздник Цин мин [в третьем месяце] – это “Праздник качелей”... Позади дворца Куньнингун и в каждом дворце – везде устанавливают качели –

одну раму... [В четвертом месяце] в восьмой день подносят [Будде?] “булоцзя” – оборачивают тростниковыми листьями клейкий рис, длина может быть три-четыре *цуня*², ширина *цунь*, вкус одинаковый с *цзунцзы*³. В этом месяце пробуют вишню, считается началом нового вкуса плодов этого года, ...берут свежий пшеничный колос, варят, удаляют ости и шелуху, перемалывают в тонкие ленточки [и] едят это, называется “урожайный оборот”. Считается, что пробуют начало нового вкуса пяти злаков этого года... В полдень пятого числа пятого месяца пьют айвовое вино с добавлением киноара и реалгара, едят пельмени, едят смоченную холодной водой лапшу с добавлением чеснока... Приготавливают лекарства, рисуют амулеты от болезней. Совершенномудрый государь осчастлививает посещением Западное озеро, где проходят гонки драконовых лодок и катание на маленьких лодках, или удостаивает посещения гору Ваньсуй, перед которой стреляют в иву, смотрит, как молодцы из Конюшенного приказа упражняются в скачках и джигитовке... В седьмом месяце во дворце устанавливают горку испрашивания предзнаменования, Отделение [Холодного] Оружия подготавливает иголки испрашивания предзнаменования... Начиная с первого числа [восьмого месяца] появляются торговцы лунными пряниками... 15-го числа в каждом доме подносят в жертву Луне пряники, тыквы и фрукты. После того как, дождавшись восхода луны, возожгут благовония, сразу безудержно пьют и едят... Если [случится, что] останется лунный пряник, [то] снова помещают в сухое прохладное место. В конце года все вместе делят и съедают его, называется “Пряник Счастливого завершения”... 9-го числа 9-го месяца – “Праздник Двойного Ян”, Высочайший осчастлививает Гору Десяти Тысяч Лет либо Гору Зайца, совершает восхождение на Террасу Вращающегося Жернова (в дворцовом парке. – *К. П.*). Вкушают... хризантемовое вино... Первого числа десятого месяца обнаруживают календарь [на будущий год]... [В 12-м месяце] высочайше жалуют Кашей Восьмого Числа из смешанных плодов... Восьмого числа едят “Кашу Восьмого [числа] Жертвенного [месяца]”. За несколько дней до этого красные финики разминают [и] заваривают, утром восьмого числа добавляют короткозерный

² Цунь – мера длины, наименьшая единица в традиционной китайской системе измерений. Цунь также называют китайским дюймом.

³ Традиционное китайское блюдо, также готовится из риса, имеет начинку и оборачивается в листья бамбука, иногда с использованием других листьев.

рис, семена гинкго, ядра грецкого ореха, каштаны, зерна водяного ореха, варят кашу, приносят в жертву перед Буддой и Совершенномудрыми. На поверхность дверей и окон, деревьев в саду, колодцев и очага – всюду распределяют ее. Все вместе едят. Другие преподносят друг другу, хвалятся изяществом [оформления]. 24-го числа “поклоняются очагу”... На крыльце [дворца] Цяньцингун, начиная с 24-го числа до 17-го числа первого месяца следующего года, каждый день стреляют цветочными снарядами... Устанавливают фонари [в форме] Черепашьей Горы, пускают фейерверки» (Лю Жоюй 1982: 83, 84, 85, 86–87, 88, 89, 90–91).

Любование специально вывешенными на улицах фонарями в Праздник Фонарей, сооружение Черепашьей Горы – постройки из фонарей в форме фантастического чудовища, взрывы петард и хлопушек многократно описаны как в специальных исследованиях, посвященных новогодней обрядности китайцев, так и в художественной литературе. Особенно интересно замечание Лю Жоюя, что дворцовые женщины и императорская родня «совершенно не боятся людей». Здесь, несомненно, сказывается оргиастическая составляющая праздничного времени, ведущая к некоторому ослаблению обычных запретов.

Качание на качелях – широко распространенный элемент обрядности весеннего праздника – было в Китае всеобщим увлечением уже в XII в. (Календарные... 1989: 39) и в эпоху Мин еще сохраняло популярность в городской среде (Цветы... 1977, т. 1: 305–307).

Традиция «отведать новое» в праздник Начала Лета (4-й месяц по традиционному календарю) до сих пор сохраняется во многих регионах Китая, причем в некоторых из них понятие «новое» включает как раз пшеницу и вишню (Baidu n.d.).

В согласии с общим природным и социальным ритмом Поднебесной находится изготовление амулетов и лекарств в 5-м месяце. С одной стороны, в этот период китайцы стремились оградить себя и свои жилища от ядовитых гадов и моровых поветрий (Календарные... 1989: 53), а с другой – считалось, что травы в период летнего солнцестояния обретают чудодейственные свойства (Там же: 57). Гонки драконовых лодок настолько прочно связаны с пятым месяцем, что праздник Дуанью в литературе иногда просто называется «Праздник драконых лодок» (Вань Лина 2017: 67). Хотя местные власти иногда санкционировали эту регату своим присутствием, по происхождению и по форме гонки драконых лодок были

народной традицией, не имевшей отношения к государственной обрядности (Календарные... 1989: 58–70). Стрельба из лука по листьям ивы получила в Китае относительное распространение еще в X–XII вв. Поскольку длинный и узкий лист ивы, пронзенный стрелой, символизировал коитус, стрельба по иве являлась не только развлечением и военным упражнением, но подспудно была призвана стимулировать плодородие (Вань Лина 2017: 43, 160).

Не останавливаясь подробно на гастрономической тематике, занимающей в тексте весьма значительное место, нельзя не отметить, что Лю Жоюй называет основные типы обрядовой еды, которая до сегодняшнего дня является неотъемлемой принадлежностью календарных праздников во всех слоях общества. Упомянуты *юаньсяо*, *булоцзя* (разновидность пирожков *цзунцзы* – традиционного угощения пятого месяца), лунные пряники и обязательные на новогоднем столе пельмени (под «водяными закусками» или «плоской едой» тоже подразумевается разновидность пельменей). Отмеченная мемуаристом традиция грызть редьку в день Начала Весны также зафиксирована в этнографической литературе (Джарылгасинова, Крюков 1985: 60; Хуан Паньпань 2017: 57–60). Приготовление «каши Восьмого числа Жертвенного месяца» являлось популярным обрядом в различных регионах Китая (Календарные... 1989: 98). Согласно позднему фольклору, бодхисатва Гуаньинь преподнесла это кушанье своему отцу, прежде чем постричься в монахини (вероятно, упомянутое Лю Жоюем поднесение каши Будде отразило такое истолкование). По мнению исследователей, эта традиция имеет значительно более древние корни, «восходит к архаическим новогодним празднествам», связана с магией плодородия, символикой очищения от старых поветрий и рождения новой жизни (Там же: 99). Распределение обрядовой еды по поверхности дверей и окон, очага и колодца, деревьев в саду тоже согласуется с обрядностью выражения благодарности духам – покровителям дома и хозяйства за благополучие семьи в истекшем году и мольбы о процветании на будущее (Там же: 97). Как во дворце, так и за его пределами было принято дарить кашу родственникам и друзьям (Там же: 100). Чисто дворцовой, обусловленной особенностями придворного быта, спецификой употребления каши можно считать лишь пожалование подданных этим блюдом от имени монарха. Подобная практика находит аналогию в широко распространенной традиции пожалования кушаний с высочайшего стола (Забелин 2000, т. 2: 373; Пу И 1968: 76–77). Еще более близкой парал-

лелью представляется раздача русским царем крашенных яиц своим приближенным в Светлое Христово Воскресение (Забелин 2000, т. 1: 440–441). Вино с добавлением перца и кипариса, реальгара или лепестков хризантемы тоже являлось по всему Китаю традиционным напитком праздников, соответственно, первого, пятого и девятого месяцев (Календарные... 1989: 52, 93, 102).

Отражена в записках и такая специфическая составляющая традиционного праздника, как гадание. На Новый год это обнаружение в пельменях спрятанных серебряных монет. В данном случае нельзя исключать европейского влияния. Учитывая, что серебряные монеты в эпоху Мин – это, скорее всего, ввозимые европейцами мексиканские песо (Быков 1969: 11, 28), весьма вероятно, что и само гадание о счастье восходит к заимствованной европейской традиции гадания или провозглашения «бобового короля» с помощью запеченной в праздничном пироге монеты либо боба (Токарев 1973: 64, 83). В седьмом месяце проводились какие-то действия с «иголкой, спрашивающей предзнаменования». Существа этих операций Лю не раскрывает, но, судя по дате, дворцовые женщины гадали о том, смогут ли они стать искусными рукодельницами – либо пытаясь при слабом освещении продеть нитку в ушко иголки, либо рассматривая тень от иголки в чашке с водой (Календарные... 1989: 76).

Пожалуй, издание календаря, почитавшегося в традиционном Китае одной из священных регалий власти (Там же: 33), – это единственный акт государственного значения, упомянутый в главе.

Действия императора в Праздник Двойной Девятки полностью соответствуют повсеместно распространенной традиции – в этот день, выходя из дома, подниматься на какую-либо возвышенность с целью избежать несчастья (Там же: 92). Подчеркнем, что император в данном случае (как и на гонках драконьих лодок, и во время большинства празднеств, описанных Лю Жоюем) выступает не как первосвященник государственного культа, а как частное лицо, которое поступает так же, как миллионы его подданных по всей стране.

Впрочем, полного стирания грани между Сыном Неба и обычным домохозяином все же не происходит, не в последнюю очередь благодаря упомянутому в главе жертвоприношению богу Домашнего Очага. Поклонение богу Очага – это исполнявшийся во всех домах Поднебесной обряд, который обычно осуществлял хозяин дома, в официальной государственной «табели о рангах» данное

жертвоприношение относилось к числу наименее значимых, совершать которое, в принципе, имел право любой взрослый мужчина. Вероятно, именно в силу незначительности и «частного» характера этого сакрального действия его отправление в императорском дворце было возложено на евнухов – об этом, в частности, свидетельствует другая глава записок Лю Жоюя, где упомянуто, что жертвоприношения такого ранга во дворце совершал старший чиновник Департамента управления церемониалом (Лю Жоюй 1982: 73).

Конечно, далеко не все дворцовые традиции находят прямые параллели в народной культуре. Лю Жоюй, например, упоминает, что в новогоднюю ночь обитатели дворца троекратно бросали на землю деревянные засовы от ворот, накануне дня Наступления Весны императорская родня, придворные евнухи, сановники и офицеры устраивали конное состязание за Восточными воротами столицы (Там же: 83–84). В широких слоях китайского общества (в частности, в эпоху Мин) этих традиций именно в таких формах, кажется, не существовало (не говоря уже о том, что для участия в скачках требовалась как минимум серьезная материальная база).

Отдельного рассмотрения заслуживают чисто религиозные аспекты жизни во дворце.

19-й день первого месяца считался датой, когда даосский учитель Цю Чжэньжэнь, живший в эпоху Юань (1279–1368), постиг Дао. В этот день даосская Обитель Белых Облаков, находящаяся к западу от столицы, становилась местом паломничества. «В этот день буддийские монахи и даосы стекаются [сюда], простые смертные и святые смешиваются, императорская родня и дворцовые евнухи – каждый, кто питает пристрастие к искусству желтого и белого – все отправляются сюда доискиваться секрета киновари» (Там же: 85).

«28-го числа 3-го месяца отправляются в [даосский] Храм Восточного холма воскурить благовония... С первой декады до последней декады [четвертого месяца] следует [отправиться возжечь благовония] на Западной горе, Ароматной горе, в монастыре Бирюзовых облаков и в других [буддийских] монастырях. [Также] следует [отправиться] к Гаоляновому мосту за Западными Прямыми воротами, [чтобы] возжечь благовония Чжочжоуской матушке, Мацзюйской матушке [и] Сидинской матушке. В 28-й день отправляются возжечь благовония в храм Яо-вана... Пятнадцатого числа седьмого месяца – “Чжунъюань”. Дом Сладостей подносит Будде ананасы. В Западном парке вершат Дела Закона, пускают речные

фонари. В столичных монастырях повсеместно устраивают площадки для совершения религиозного обряда молитвенного поминовения умерших, тоже пускают фонари на местах близ рек» (Лю Жоюй 1982: 85–86, 87).

Чжочжоу, Сидин, мост Мацзюй, – топонимы в Столичном округе. Матушка (*няньнянь*) – по обычаям того времени почетное обращение к различным женским божествам. По-видимому, упомянутые Лю Жоюем женские божества принадлежат к народному пантеону. На 28-е число третьего месяца приходился День Рождения даосского божества – Повелителя горы Тайшань, а 28-е число четвертого месяца считалось днем рождения Яо-вана (Князя лекарств) – покровителя врачебного искусства в даосской и поздней народной религии (Титаренко 2006: 606–607, 772), чем и объясняется возжигание ароматных палочек в посвященных им храмах.

Праздник Чжунъюань – один из трех праздников, связанных с поминанием душ усопших в Китае, имеет выраженную буддийскую окраску. Это в полной мере отразилось и на описанных Лю Жоюем дворцовых обрядах 7-го месяца (молитвенные собрания в Западном Парке, поминальные службы, пуск фонарей по реке), цель которых – позаботиться о спасении душ умерших. Даже выбор ананасов в качестве подношения Будде, вероятно, не случаен, поскольку сочетание иероглифов, обозначающее ананас, имеет и другое значение, а именно *Paганита* – «переправиться на тот берег, достигнуть Нирваны» (Ошанин 1983, т. 3: 1031).

Таким образом, в сердцах обитателей дворца находилось место и божествам народной религии, и даосским бессмертным, хотя буддизм, кажется, оказывал наиболее заметное влияние на религиозную жизнь двора. Скорее всего, такое положение вещей связано с традиционно прочными позициями буддизма при дворе на протяжении всей эпохи Мин (Мартынов 1974). Перечисленные Лю Жоюем паломничества и религиозные действия обитателей дворца полностью совпадали с ритмом религиозной жизни рядовых жителей Поднебесной.

Наблюдения за традициями проведения календарных праздников во дворце, на наш взгляд, подкрепляют на новом материале идеи, уже высказанные ранее исследователями календарной обрядности народов Восточной Азии, прежде всего о неразрывной связи этих праздников с социальным началом в человеческом бытии: «Принимать участие в их праздновании – значит утверждать определенный уклад жизни, выражать и удостоверять свою принадлеж-

ность к той или иной общности людей: семье, общине, сословию, этносу, государству» (Календарные... 1989: 19). Китайские календарные праздники выступают в качестве консолидирующего фактора не только по отношению к общинам китайских эмигрантов в различных уголках земного шара, но и по отношению к различным социальным слоям общества в самом Китае, подверженным взаимному бытовому влиянию и связанным единой культурной доминантой.

Находит подтверждение тезис о том, что «календарные праздники отчетливо и убедительно отображали основные черты традиционной общественной организации китайцев... включали в себя, хотя и в разном соотношении, как семейный, так и коммунальный аспект, воспроизводя характерный для традиционного китайского общества разрыв между семейной и публичной жизнью» (Там же: 19). Действительно, в то время как во «внешнем мире» официального государственного культа император приносил жертву на алтаре Неба в день Зимнего Солнцестояния или проводил весной первую борозду на ритуальной пашне, праздничные мероприятия во дворце, приуроченные к тем же хронологическим вехам, носят частный характер, близкий к праздничным обычаям в домах частных лиц.

Проникновение во дворец народных картин или гонок на драконьих лодках свидетельствует о заметном воздействии народной культуры на быт императорского двора (хотя есть серьезные основания предполагать взаимное влияние элитарной и народной культуры). Несомненно, дворцовый быт отличался определенной спецификой, и рассматривать празднества внутри дворца как в полном смысле неофициальные мероприятия все-таки невозможно – по причине персонального состава их участников, включающего императора и членов его семьи, а также в силу вовлеченности в подготовку к ним придворных учреждений.

Тезис о влиянии на календарные праздники господствовавших идеологий и мировых религий убедительно подтверждается тем влиянием, которое оказал буддизм на праздничную обрядность в императорском дворце. Наконец, такой элемент праздничной обрядности, как гадание по спрятанному в обрядовой пище предмету, может служить частным свидетельством типологической общности человеческой культуры и влияния историко-культурных контактов и связей (Календарные... 1989: 4).

Таким образом, большая часть наблюдений за китайскими календарными обычаями и обрядами, материалом для которых послужил преимущественно быт сельского и городского населения, оказывается справедливой, несмотря на ряд особенностей, и применительно к феномену праздника в императорском дворце эпохи Мин.

Литература

Алексеев, В. М. 1966. *Китайская народная картина*. М.: Наука, ГРВЛ.

Бай Вэйго. 2016. *Цзинь пин мэй фэнсу тань (Разговор об обычаях [отображенных] в романе «Цзинь пин мэй»)*. Бэйцзин (на кит. яз.).

Быков, А. А. 1969. *Монеты Китая*. Л.: Советский художник.

Вань Лина. 2017. *История китайских праздников*. М.: Шанс.

Гуревич, А. Я. 2007. *Избранные труды. Средневековый мир*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.

Джарылгашинова, Р. Ш., Крюков, М. В. (отв. ред.). 1985. *Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый Год*. М.: Наука.

Дин-лин ([Императорская гробница] Дин-лин): в 2 т. 1990. Бэйцзин (на кит. яз.).

Забелин, И. Е. 2000. *Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях*: в 2 т. М.: Языки русской культуры.

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл: коллективная монография. 1989. М.: Наука.

Лю Жоюй

1982. Мин гун ши. В: Лю Жоюй, *Мин гун ши (История Минских дворцов)*; Гао Шици, *Цзинь ао туйши бицзи (Записки во время приема пищи подле Золотой черепахи)*. Бэйцзин (на кит. яз.).

2018. *Чжо чжун чжи (Беспристрастные записи)*. Бэйцзин (на кит. яз.).

Люйши чуньцю (Весны и осени господина Люя). 2001. М.: Мысль.

Мин ши (История [империи] Мин). 1958. Шанхай (на кит. яз.).

Мартынов, А. С. 1974. Конфуцианство, буддизм и двор в эпоху Мин. В: Васильев, Л. С. (отв. ред.), *История и культура Китая*, с. 307–324. М.: Наука; ГРВЛ.

Ошанин, И. М. (ред.) 1983. *Большой китайско-русский словарь*: в 3 т. Т. 3. М.: Наука.

Писцов, К. М. 2020. Сочинение Лю Жоюя – уникальный источник сведений по истории и культуре китайского двора первой трети XVII века. *Историческая психология и социология истории* 1: 94–110.

Пу И. 1968. *Первая половина моей жизни: Воспоминания Пу И, последнего императора Китая*. М.: Прогресс.

Сюй Вэньюэ. 2018. И сянь чу тянь жи цзянь чан (Один луч едва прибавился – день постепенно удлиняется). *Цзыцзиньчэн (Запретный город)* 12: 146–156 (на кит. яз.).

Титаренко, М. Л. (гл. ред.). 2006. *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2*. М.: Вост. лит-ра.

Токарев, С. А. (отв. ред.). 1973. *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники*. М.: Наука.

Хачатурян, Н. А. 2014. Придворная культура: параметры явления. В: Брагина, Л. М., Володарский, В. М. (отв. ред.), *Придворная культура эпохи Возрождения*, с. 5–25. М.: РОССПЭН.

Хуайнаньцзы: философы из Хуайнани. 2016. М.: Наука; Вост. лит-ра.

Хуан Паньпань. 2017. *Китайские традиции и обычаи*. М.: Шанс.

Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, пин, мэй: в 2 т. Т. 1. 1977. М.: Худ. лит-ра.

Чэнь Баолян. 2004. *Миндай шэжуй шэнхо ши (История жизни общества эпохи Мин)*. Бэйцзин (на кит. яз.).

Чэнь Тяньхао. 2015. Лю Жоюй «Чжо чжун чжи» баньбэнь сянкао (Подробное исследование изданий «Чжо чжун чжи» Лю Жоюя). *Мин Цин ши цзикань (Альманах истории [эпох] Мин и Цин)* 11: 271–314.

Baidu. N.d. URL: <https://baike.baidu.com/item/立夏/7587> (дата обращения: 15.04.2022).